

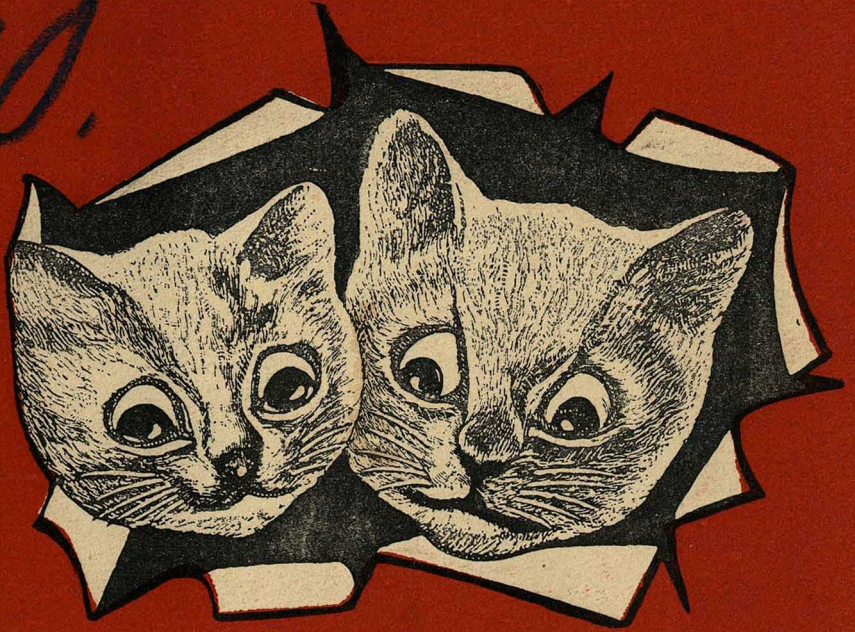
ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

XVI 40
10.
Годъ изданія пятый.

ОКТАБРЬ.

1 — № 24.

1911 / 1912. 2

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

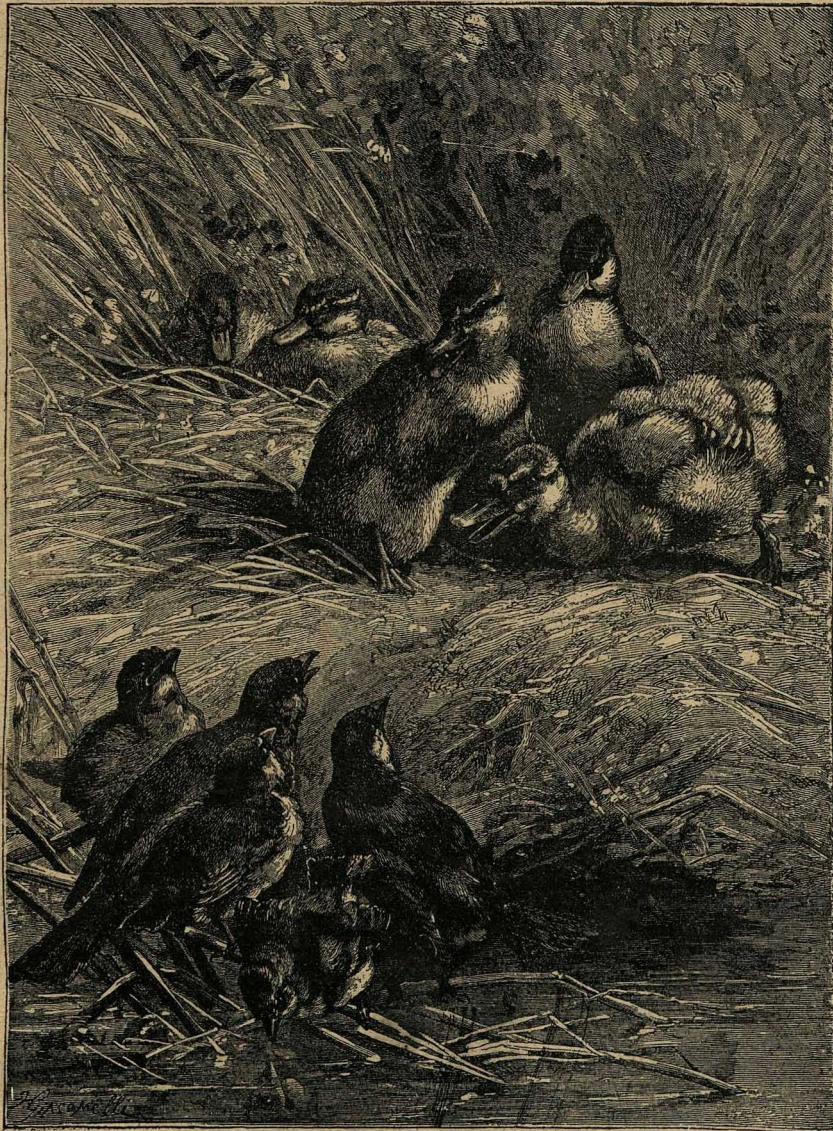
УЖЕ ОКТАБРЬ.
ДВѢ ВСТРѢЧИ.
ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ.
ОДНИ (повѣсть).
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Усадьба для склеиванія.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

На березку.

ки. 460

УЖЕ ОКТЯБРЬ...

Уже октябрь... Во мглѣ туманной
Стоить унылый, голый лѣсъ,
Льетъ дождь по суткамъ неустанный
И солнца теплый лучъ желанный
Ужъ рѣдко свѣтитъ намъ съ небесъ.

Уже октябрь... Кругомъ тоскливо,
Замолкло все, ужъ нѣтъ работъ,
Лишь бродитъ въ полѣ скотъ лѣниво,
Да рѣдко гдѣ-нибудь тоскливо
Синичка робко запоетъ.

Уже октябрь... Озябли ели
И сталь холоднымъ, мутнымъ
прудь...
Еще пройдутъ двѣ-три недѣли
И къ намъ морозы и метели
Съ вѣтрами съ сѣвера придуть.

Кузнечикъ.

ДВѢ ВСТРѢЧИ.

Отецъ и мать горячо любили меня. Я былъ ихъ единственнымъ сыномъ и они всегда баловали меня и старались сдѣлать для меня что-нибудь пріятное. Я росъ одинъ, часто скучалъ и это заставляло ихъ страдать. Однажды я встрѣтилъ на прогулкѣ дѣвочку моихъ лѣтъ, разговорился съ ней, и этого уже было довольно, чтобы моя мама пригласила ее къ намъ и стала заботиться о ней, какъ о дочери. Звали ее Олей. Она была сирота, жила у своей тети и была такъ-же одинока, какъ и я. Такимъ образомъ мы стали вмѣстѣ играть. Рѣдкій день Оля не приходила къ намъ и когда шелъ дождь или былъ морозъ и я по необходимости долженъ былъ

оставаться безъ нея, то это было для меня невыносимо и папа и мама часто переглядывались между собою и говорили такъ, что я могъ ихъ слышать:

— Давай возьмемъ Олю къ себѣ совсѣмъ! говорилъ мой отецъ.— Мы воспитаемъ ее, какъ родную дочь. Кстати и нашему Борѣ было-бы не скучно!

Мама глубоко вздыхала и качала головой.

— Нѣтъ, это невозможно! отвѣчала она.— Ея тетя ни за что не захочетъ разстаться съ ней!

А эта самая тетя была старушка и тоже не чаяла души въ Олѣ. Дѣвочка была единственнымъ ея утѣшеніемъ и только она одна еще привязывала ее къ жизни. Всегда

больная, вѣчно кашлявшая и жаловавшаяся на боли въ боку и на ревматизмы, старушка дышала на ладонь, но не хотѣла этого признавать и строила планы о томъ, какъ Оля выростетъ большая, выйдетъ замужъ и успокоитъ ея старость.

Такъ дни проходили за днями.

Однажды я смастерилъ перочиннымъ ножикомъ корабликъ. Папа и мама пришли въ восторгъ, долго носились съ этимъ корабликомъ и тоже задумались о моемъ будущемъ.

— Навѣрное, онъ будетъ у насъ инженеръ! сказала мама.

— Нѣтъ, возразилъ ей отецъ.— Онъ будетъ не инженеръ, а морякъ. Онъ будетъ командовать броненосцемъ и разѣзжать по океанамъ и морямъ.

И я вообразилъ себя уже на самомъ дѣлѣ морякомъ. Я дѣлалъ лодочки, нацѣплялъ на нихъ паруса и пускалъ ихъ въ бассейнѣ въ городскомъ саду. Мама отъ этого приходила въ восторгъ. Меня и одѣвать стали такъ-же, какъ моряка: я носилъ мотросскія куртку, шляпу и штаны и, бѣгая вокругъ бассейна и видя свое отраженіе въ водѣ, любовался собою и вѣрилъ въ свое будущее призваніе моряка. Вѣрила въ него и Оля. Она играла въ лодочки вмѣстѣ со мною, восхищалась моимъ костюмомъ и мы тайкомъ, возвратясь домой и забившись въ уголокъ, по цѣлымъ часамъ мечтали о мо-

ихъ будущихъ путешествіяхъ и о тѣхъ странахъ, которыя мнѣ придется посѣтить.

— Я обязательно поѣду въ Индію! говорилъ я ей.— Папа читалъ, что въ Индійскомъ океанѣ всегда большія бури... Воображаю, какъ пріятно бываетъ бороться съ бурей и терпѣть кораблекрушеніе!

Оля смотрѣла на меня большими глазами и уже заранѣе считала меня героемъ.

Скоро намъ пришлось съ нею разстаться и на долго. У мамы разстроилось здоровье и докторъ посылалъ ее на югъ, на морскія купанья. Папа хмурился, мама боялась такого большого переѣзда, а я торжествовалъ: скоро я увижу настоящее море, настоящіе корабли и, быть можетъ, буду даже свидѣтелемъ бури. Я уже мечталъ о томъ, какъ все свое время буду проводить на морскомъ берегу и пускать свои кораблики, и только и дѣлалъ, что надоѣдалъ мамѣ вопросами:

— Мама, да когда-же мы поѣдемъ? Скоро-ли мы отправимся къ морю?

Затѣмъ мы стали собираться, усѣлись въ вагонъ и поѣхали на югъ. Впопыхахъ и увлеченіи еще невиданнымъ ни разу моремъ, я забылъ даже проститься, какъ слѣдуетъ, съ Олей, равнодушно отвѣчалъ на ея прощанія и ласки и всю дорогу не глядѣлъ изъ окна: дорога казалась мнѣ скучной. А

когда потянулись степи, то я даже захандрилъ и сталъ капризничать. Я не ожидалъ, что до моря придется такъ долго ѣхать.

— Бѣдная Оля! какъ-то сказала по дорогѣ мама.—Ея тетя совсѣмъ лежитъ больная... Что-то она будетъ дѣлать безъ насъ одна, если ея тетя умретъ!..

— Да... протянулъ папа.—Надо было-бы объ этомъ заранѣе подумать...

На третьи сутки мы приѣхали къ морю. Широкое, голубое, безпредѣльное, оно поразило меня своей красотой и захватило меня всего. Я не ожидалъ, чтобы оно было такъ прекрасно, не смотря даже на то, что въ мечтахъ воображалъ его безмѣрно-красивымъ. А когда мы сѣли на громадный пароходъ, закачались по его волнамъ и очаровательные берега длинной лентой потянулись у насъ передъ глазами, то я пришелъ въ такой восторгъ, что мамѣ пришлось меня унимать.

— Да посиди ты спокойно хоть одну минуту! не разъ одергивала она меня.

Но я не унимался. Каюты, машина, громадная труба, оставлявшая за собою на цѣлыя версты клубы дыма, масса пассажировъ, какой-то особый запахъ отъ канатовъ, выскакивавшіе изъ воды дельфины и встрѣчавшіеся по пути парусныя лодки и другіе пароходы овладѣли моимъ внима-

ніемъ и я бѣгалъ, какъ оглашенный, по палубѣ и то и дѣло повторялъ:—

— Я непременно буду морякомъ! Я обязательно буду плавать по морю!

Мы поселились на очень милой дачѣ, какъ разъ на самомъ морскомъ берегу. Мама и папа искали уединенія и потому подыскивали себѣ помѣщеніе подальше отъ города, гдѣ не было-бы многолюдно и было-бы побольше мѣста для прогулокъ. Такимъ образомъ до ближайшаго города отъ насъ было цѣлыхъ 28 верстъ, всѣ пароходы оставляли насъ въ сторонѣ и проходили мимо и добратся къ намъ можно было только на извозчикѣ, за котораго платили чуть не десять рублей въ одинъ конецъ. Но какъ-бы то ни было, жизнь наша потекла превосходно. Въ особенности былъ доволенъ я. Съ утра и до вечера я бѣгалъ по окрестностямъ одинъ, цѣлые дни проводилъ на пляжѣ у самой воды тоже одинъ и никому и въ голову не приходило, что меня могъ-бы кто-нибудь обидѣть или что я могъ-бы оступить и утонуть. Море у насъ долго катилось по песчаному берегу, не было даже и случая, чтобы кто-нибудь въ немъ утонулъ, и я безбоязненно бѣгалъ босыми ногами прямо по водѣ и пускалъ свои кораблики.

— Пусть бѣгаетъ! радовались на

меня папа и мама.—Это ему полезно!

И я бѣгалъ, чувствовалъ, что это для меня дѣйствительно полезно, и радовался, что за мной никто не наблюдаетъ и не мѣшаетъ мнѣ жить. Мнѣ только было скучно одному. Единственными моими компаньонами были рыбаки, которые приплывали иногда къ нашему берегу, вытаскивали свои лодки на песокъ, просушивали свои снасти и снова уплывали куда-то въ далекое море.

Однажды среди ночи я былъ разбуженъ неожиданнымъ стукомъ. Кто-то громко стучался въ калитку. Папа и мама вскочили, переполошились и послали дворника татарина отворить. Скоро онъ вернулся и подалъ имъ что-то похожее на письмо.

— Телеграмма! сказалъ онъ.

Папа распечаталъ ее и прочиталъ.

— Умерла!.. вздохнулъ онъ и перекрестился.

— Бѣдная дѣвочка! сказала мама.—Несчастливая сирота!

Но мнѣ слишкомъ хотѣлось спать и было не до сиротъ и не до телеграммъ, и когда я проснулся на слѣдующее утро и выбѣжалъ на берегъ, то событіе ночи выскочило у меня изъ головы со-всѣмъ и казалось, что все это было во снѣ. Помню, что папа посылалъ кому-то отвѣтную телеграмму и только вечеромъ, когда

я снова улегся спать и уже задремывалъ, я услышалъ, какъ мама въ сосѣдней комнатѣ сказала:

— Воображаю, какъ будетъ доволенъ нашъ Борисъ!

Но папа не далъ ей говорить и тихо отвѣтилъ:

— Тсс!.. Сдѣлаемъ для него сюрпризъ! Пусть онъ до поры—до времени не знаетъ ничего!

Папа и мама часто дѣлали для меня сюрпризы и я настолько уже къ нимъ привыкъ, что и не старался выспрашивать о нихъ, а спокойно дожидался, когда они явятся ко мнѣ сами. Такъ было и на этотъ разъ. Я повернулся на бокъ и крѣпко заснулъ.

Недѣлю спустя, папа и мама събрались въ городъ. Они вызвали къ себѣ по телефону экипажъ, сѣли въ него и уѣхали. Было тихое, теплое утро, но на горахъ висѣли облака и было похоже на то, что пойдетъ дождь.

— Ты-же, смотри, будь умникомъ безъ насъ, обратилась ко мнѣ мама.—Далеко отъ дома не отходи! Мы взяли-бы тебя съ собой, но, боимся, будетъ дождь... Да и мѣста въ экипажѣ на обратномъ пути не хватитъ!..

Они уѣхали и я остался съ дворникомъ-Мустафой одинъ. Ко мнѣ тотчасъ-же пришла съ сосѣдней дачи дама, которая должна была позаботиться обо мнѣ, накормить и напоить меня и вообще не оставлять меня одного. Но я съ утра

убѣжалъ на море, рылся во влажномъ пескѣ, плескался въ водѣ и только къ завтраку вернулся домой.

Вернувшись послѣ завтрака опять на берегъ, я увидалъ новость: въ мое отсутствіе приѣхалъ на парусной лодкѣ рыбакъ, вытащилъ ее на песокъ и куда-то ушелъ. Лодка была большая, вся заваленная сѣтями, канатами и корзинками для рыбы. Пахло рыбьей шелухой и дегтемъ. Я уже давно привыкъ къ тому, что я морякъ, и поэтому считалъ этотъ запахъ лучшимъ, чѣмъ всѣ духи. Походивъ около лодки, я залѣзъ въ нее и сталъ воображать, что я плыву по морю. Я раскачивалъ ее, гребъ руками, точно веслами, или, представивъ себѣ, что сейчасъ буря и кораблекрушеніе, я хватался рукой за мачту и повиснувъ на ней, мысленно взывалъ о помощи. Это была веселая, занимательная игра и я не чувствовалъ, что былъ одинъ.

Между тѣмъ уже все небо было въ облакахъ. Дулъ вѣтеръ, по морю ходили барашки и волны одна за другой далеко взбѣгали на песчаный берегъ и съ шумомъ возвращались обратно. Снасти на моей лодкѣ поскрипывали и ихъ скрипѣнье и монотонный шумъ волнъ стали нагонять на меня дремоту.

„Что-то мнѣ привезутъ сегодня изъ города папа и мама?“ думалъ я.

А дремота такъ и слипала мнѣ глаза. Я старался вообразить себѣ, что мнѣ привезутъ, а голова такъ и падала мнѣ на грудь, и чтобы хоть сколько нибудь разогнать свой сонъ, я сошелъ въ лодку на самое дно и, присѣвъ на корточки, сталъ разсматривать уже давно засохшую рыбку, валявшуюся подъ лавкою и блиставшую своей чешуей.

— Какая это была рыбка? задавалъ я себѣ вопросъ, а шумъ волнъ и скрипѣнье снастей все болѣе и болѣе дѣлали свое дѣло и кончилось тѣмъ, что я прикорнулъ на кучѣ сѣтей и крѣпко заснулъ.

Когда я проснулся, то была качка, гудѣлъ вѣтеръ и волны перекидывались черезъ бортъ и обливали меня своей холодной водой. Я вскочилъ на ноги и оглянулся кругомъ. Со всѣхъ сторонъ шумѣло бурное море, было пасмурно, вѣтеръ дулъ такъ, точно хотѣлъ сорвать съ лодки парусъ, и она летѣла, какъ птица, то ныряя носомъ въ воду, а то высоко взлетая на гребни волнъ. О берегъ не было и помина. Я пришелъ въ ужасъ и весь затрепеталъ.

— Боже мой, гдѣ я? залепеталъ я.—Что я теперь буду дѣлать!

И вдругъ изъ-за паруса показалось на носу фигура рыбака. Онъ поглядѣлъ на меня такими глазами, точно видѣлъ передъ собою привидѣніе. Все лицо его было полно страха и удивленія. Онъ перекрестился.

— Господи Иисусе! проговорилъ онъ. — Это еще что такое?.. Откуда ты, мальчишка, взялся?

Еле пересиливая слезы, я разсказалъ ему, какъ игралъ въ этой лодкѣ на берегу и какъ заснулъ, и сталъ горячо просить его отвезти меня скорѣе домой.

— Эге! сказалъ онъ. — Да мы сейчасъ отъ берега верстахъ въ тридцати! Развѣ скоро доберешься?.. Да я совсѣмъ не туда и ѣду! Я продалъ свою рыбу и плыву теперь домой!.. Меня ждутъ дома дѣти и жена! Нѣтъ, нѣтъ!...

Я залился горячими слезами.

А тѣмъ временемъ вѣтеръ сталъ дуть еще сильнѣе. Теперь море уже бѣсновалось. Его волны вздымались на невѣроятную вышину и съ страшнымъ шумомъ падали внизъ. Пока могъ видѣть глазъ, все высились громадные, пѣнистые гребни, съ дикимъ ревомъ мчавшіеся одинъ за другимъ и заливавшіеся прямо къ намъ въ лодку. Море было темно-свинцоваго цвѣта. Тучи низко нависли и готовы были пролиться дождемъ.

— Какъ-же теперь быть? въ ужасѣ спросилъ я рыбака. — Сегодня вечеромъ мама и папа вернутся изъ города домой и умрутъ, если не застанутъ меня дома!

— Что-жъ дѣлать? развелъ руками рыбакъ. — Не возвращаться-же назадъ!..

И, закуривъ трубку, онъ пере-

лѣвъ поближе ко мнѣ и похлопалъ меня по плечу.

— Ничего!.. продолжалъ онъ. — Не плачь!.. Послѣ завтра я опять поѣду на ловлю и привезу тебя домой!.. Ничего!..

Послѣ-завтра!.. Еще цѣлые два дня впереди! Да вѣдь за эти два дня мои папа и мама успѣютъ сойти отъ горя съ ума, броситься въ море или умереть! Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! Я лучше брошусь въ море самъ, лучше самъ утону, чѣмъ позволю имъ страдать изъ-за меня! Но что было дѣлать? Уже вечерѣло, буря становилась все сильнѣе и все грознѣе, я чувствовалъ, какъ замирало мое сердце и какъ я нуждался въ чьей-нибудь нравственной поддержкѣ, но я былъ одинокъ, мнѣ было всего только девять лѣтъ и некому было взять меня за руку, ободрить и успокоить. И я стоялъ, прижавшись спиною къ мачтѣ, съ ужасомъ смотрѣлъ на злобствовавшее море, пожимался отъ обдававшихъ меня волнъ и шепталъ;—

— Господи!.. Господи!.. Когда-же все это кончится? Когда это пройдетъ? Вынеси меня поскорѣе на берегъ!..

Но съ каждымъ порывомъ вѣтра берегъ становился отъ насъ все дальше и дальше, мой рыбакъ оставался неумолимымъ, мнѣ было тошно отъ качки, и то море, которое прежде такъ занимало меня и влекло меня къ себѣ, теперь каза-

Карточный домикъ.

Мыльные пузыри.

лось мнѣ отвратительнымъ и злымъ и меня страшили теперь его ровный просторъ и его неизвѣданная глубина. А вечеръ все приближался и приближался.

— Дяденька... умолялъ я не разъ своего рыбака. — Будьте такой добрый, верните меня домой!..

— Да пойми ты, глупенькій, что нельзя!.. старался онъ меня убѣдить. — До ночи я не управлюсь, возвращаться далеко, а ночью будетъ такая буря, что и не приведи Богъ! Ты не бойся. Я верну тебя послѣ завтра или дня черезъ три!..

Это было плохимъ утѣшеніемъ для меня и одинъ разъ я закрылъ обѣими руками лицо и сталъ горько плакать. Вся жизнь казалась для меня теперь потерянной. Ничто уже не радовало меня впереди. Ночью будетъ буря и если мы не успѣемъ во-время добраться до деревушки рыбака, то все равно погибнемъ, а если и доберемся, то все равно для меня ужъ не оставалось никакого интереса жить. Я воображалъ себѣ, какъ безъ меня возвратятся изъ города папа и мама, какъ будутъ встревожены моимъ отсутствіемъ, какъ будутъ меня искать и, не найдя, заболѣютъ отъ горя и умрутъ. Ахъ, Боже мой, Боже мой, что я надѣлалъ, зачѣмъ я такъ опрометчиво заснулъ въ этой проклятой лодкѣ и далъ себя увезти такъ далеко!

И я сталъ плакать, биться всѣмъ тѣломъ по дну лодки, упрашивать,

умолять, молиться и рыдать... Какъ маленькій звѣрекъ, привыкшій къ свободѣ и попавшій вдругъ въ неволю, грызетъ въ отчаяніи толстыя прутья своей клѣтки, такъ и я грызъ отъ горя борта своей лодки и не зналъ, что мнѣ дѣлать.

— Да ты пойми, дурачокъ, обращался ко мнѣ съ утѣшеніемъ рыбака, — что я никакъ не могу вернуться назадъ! И радъ-бы, да не могу! Кто-жъ тебя зналъ, что ты тутъ забился подъ лавку и спишь! Развѣ ты не видишь, какая буря? А будетъ къ ночи еще больше! Вѣдь до берега больше тридцати верстъ!

— Ничего я не желаю знать! закричалъ я. — Ты злодѣй, ты хочешь моей гибели, ты хочешь меня украсть, завести подальше отъ папы и мамы и продать меня комедіантамъ или цыганамъ и взять за меня деньги. Тебя накажетъ Богъ! Если ты не повернешь сейчасъ-же назадъ, то я брошусь въ море и утону.

По выраженію моихъ глазъ, онъ понялъ, что я не шучу, и обхватилъ меня за талию.

— Что ты? Что ты? въ удивленіи заговорилъ онъ. — Зачѣмъ мнѣ тебя продавать? Развѣ я не христіанинъ, чтобы торговать дѣтьми? Господи помилуй! Я хочу только, чтобы ты понялъ меня, что возвращаться нельзя... Ложись-ка лучше вотъ сюда на сѣть и постарайся заснуть...

И онъ ласково сталъ устраивать для меня постель. Я весь промокъ

до костей, мнѣ было холодно и хотѣлось тепла, но охватившее меня горе было велико и все равно я не заснулъ-бы и промучился-бы всю ночь.

— Нѣтъ! Нѣтъ! закричалъ я и снова залился слезами.—Если ты не вернешься сейчасъ назадъ, то я брошусь въ море и утону!

И я готовъ былъ это сдѣлать,—такъ велико было мое отчаяніе,—какъ вдругъ на горизонтѣ привѣтливо замелькали огоньки. Это шель пассажирскій пароходъ.

— Знаешь, что? вдругъ предложилъ мнѣ рыбакъ.—Если ты такъ хочешь домой, то садись на этотъ пароходъ. Черезъ полтора часа онъ будетъ уже въ городѣ, а тамъ ты наймешь себѣ извозчика и поѣдешь домой! А, можетъ быть, еще встрѣтишь тамъ и своихъ папашу и мамашу!.. А? Да какъ-же пароходъ опоздалъ сегодня!..

Я обрадовался. Мысль, что черезъ какіе-нибудь полтора часа я снова буду на землѣ, опять увижу деревья и дома, наполнила мою душу восторгомъ и теперь мнѣ было уже страшно, какъ-бы пароходъ не прошелъ мимо насъ и не лишилъ меня послѣдней надежды.

Мой рыбакъ заспѣшилъ. Онъ торопливо убралъ парусъ, зажегъ фонарь, сунулъ мнѣ его въ руки, а самъ взялся за весла и сталъ грести.

— Только-бы не опоздать!.. говорилъ онъ.—Только-бы они тебя взяли!..

Онъ напрягалъ свои мускулы, какъ струны, то вытягивался во всю свою длину, а то сгибался въ дугу, и волны обливали насъ обоихъ и старались сбить насъ съ пути и отдалить насъ отъ желанной цѣли. Темная масса парохода придвигалась къ намъ и мнѣ было страшно, что вотъ-вотъ она наѣдетъ на насъ, разрѣжетъ нашу лодку пополамъ и пуститъ насъ ко дну.

— Махай фонаремъ! крикнулъ мнѣ рыбакъ.—Пущай они насъ замѣтятъ! Кричи во все горло! Пущай они подумаютъ, что мы погибаемъ!

Я замахалъ фонаремъ и мы оба стали кричать. Я кричалъ такъ, что у меня перехватывало горло и кружилась голова, но шумъ волнъ заглушалъ насъ и я боялся, что насъ не замѣтятъ и оставятъ насъ въ морѣ однихъ. Но насъ замѣтили. Чудовище придвигалось къ намъ, мигало намъ своими огнями и теперь и для меня и для рыбака представлялась новая опасность, какъ-бы волны не разбили насъ о пароходъ.

— Махай фонаремъ! крикнулъ мнѣ рыбакъ.

Я и безъ того уже махалъ имъ такъ, что у меня чуть не отрывалась вмѣстѣ съ нимъ отъ плеча рука и чуть не гасла въ немъ свѣча.

— Гроби веселѣй! вдругъ слышался голосъ съ парохода.—Приставай къ лѣвому борту! Не задерживай!

Рыбакъ взмахнулъ веслами, волны подхватили лодку и швырнули ее къ пароходу. Въ тотъ-же моментъ съ парохода спустили лѣстницу и двѣ дюжія руки схватили меня подмышки и подняли на воздухъ. Лодка выскользнула у меня изъ-подъ ногъ, ее отбросило волнами куда-то далеко и я почувствовалъ подъ собою твердую палубу парохода. Здѣсь было сухо, горѣли электрическіе огни, нарядная публика толпилась у борта и вокругъ меня и та буря, которая казалась мнѣ такой ужасной, когда я плылъ на лодкѣ, здѣсь не была замѣтна почти совсѣмъ и я остановился, глубоко вздохнулъ и съ благодарностью поднялъ глаза къ небу. Теперь я былъ спасенъ.

Рыбачья лодка плыла уже далеко, низко накренивъ свой парусъ и теряясь въ туманной дали, и мнѣ было ее жаль и хотѣлось, чтобы и рыбакъ былъ тоже со мною. Меня обступили со всѣхъ сторонъ, спрашивали меня, совали мнѣ въ руки конфекты, но я не слышалъ и не понималъ ничего и отвѣчалъ невпопадъ. А когда всѣ убѣдились, что я вовсе не погибалъ, и, разочарованные, разошлись по сторонамъ, то я подошелъ къ горячей парходной трубѣ и прислонился къ ней спиною. Чувство пріятной теплоты разлилось у меня по всему тѣлу, я заулыбался и минувшія испытанія теперь казались уже дале-

кими или пережитыми мною во снѣ. И вдругъ случилось что-то совсѣмъ невѣроятное.

— Здравствуй, Боря! вдругъ услышалъ я около себя чей-то знакомый, милый голосокъ.

Я обернулся и увидалъ передъ собою дѣвочку моихъ лѣтъ. Она ласково и въ удивленіи смотрѣла на меня, а я протиралъ себѣ глаза, не вѣрилъ себѣ и все еще думалъ, что я во снѣ.

— Оля! воскликнулъ я наконецъ.—Какими судьбами? Откуда ты взялась?

И острая, сказочная радость наполнила мое сердце. Передо мной стояла она, моя подруга, по которой я такъ скучалъ и которую такъ пламенно желалъ видѣть. Она схватила меня за руку, потащила меня куда-то внизъ, гдѣ было тепло и свѣтло и гдѣ вкусно пахло только-что убраннѣмъ обѣдомъ, и тамъ, усадивъ меня въ уголокъ на мягкой, бархатной диванчикъ, она рассказала мнѣ, что ея тетя умерла, что она осталась во всемъ свѣтѣ одна и что еслибы не мои папа и мама, которые позаботились о ней и пригласили ее жить къ себѣ, то она не зналабы, что и дѣлать. Они прислали ей денегъ на дорогу, все время она ѣхала одна и теперь считала минуты, когда пароходъ причалитъ къ пристани и они встрѣтятъ ее и повезутъ на извозикѣ къ себѣ на дачу.

— Теперь мы будемъ жить вмѣстѣ всю жизнь! сказала она, ласково поглядывая на меня и не зная, какъ устроить меня поудобнѣе.—Теперь мы не разстанемся уже никогда!

Все это происходило точно во снѣ. Я глядѣлъ на нее, не вѣрилъ глазамъ, и если-бы не мокрая одежда, прилипшая къ моему тѣлу и не дрожь, пробѣгавшая иногда вдоль моей спины, то я думалъ-бы, что я сплю.

— Но какъ ты добръ, что выѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу! щебетала Оля.—Вѣроятно, здѣсь уже недалеко ваша дача? Вѣдь ты выѣхалъ на лодкѣ? А мы думали, что это кто-то тонетъ, и даже встревожились не на шутку...

Затѣмъ она принесла большой шерстяной платокъ, укутала меня имъ всего, стащила съ меня промокшіе башмаки, надѣли мнѣ на ноги свои туфли и я почувствовалъ себя немного дома. Мы болтали, смѣялись, я рассказалъ ей о своемъ приключеніи, и мы и не замѣтили, какъ прошли полтора часа и какъ загудѣлъ нашъ пароходъ. Мы вышли на палубу. Была уже ночь. Пароходъ входилъ въ портъ, кругомъ насъ мерцали огни на другихъ пароходахъ и корабляхъ, а слѣва весь берегъ былъ сплошь усѣянъ огнями. Это былъ городъ. Слышно было, какъ ѣздили извозчики и какъ въ городскомъ саду играла музыка. И те-

перь, когда я былъ уже около земли, она показалась мнѣ прекрасной и желанной, и я съ удовольствіемъ готовился покинуть море и сталъ спѣшить къ выходу такъ-же, какъ и всѣ.

Полчаса приставали къ молу, а затѣмъ Оля взяла свои узелки, дала часть ихъ мнѣ и мы оба сошли на берегъ.

— Оля! Олечка! вдругъ раздались голоса моихъ папы и мамы.—Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Ну, какъ ты доѣхала одна?

Они хотѣли броситься къ ней, прижать ее къ своему сердцу, горячо поцѣловать, но, увидѣвъ меня, въ шерстяной шали и въ туфляхъ, въ удивленіи отступили назадъ. Но вмѣсто нихъ это сдѣлали мы. Мы оба бросились къ нимъ на шею и цѣловали, цѣловали ихъ безъ конца. Они плакали, умилялись, не понимали, въ чемъ дѣло, но было уже поздно и пора была уже ѣхать домой. Мы сѣли на извозчика и отправились къ себѣ на дачу. Всю дорогу я и Оля рассказывали имъ о своихъ приключеніяхъ, по бокамъ у насъ поднимались горы, заходившія за облака, и выросли похожіе на монаховъ кипарисы. Дулъ вѣтеръ и поднималъ на шоссе пыль и гдѣ-то далеко—далеко внизу шумѣли волны. Но я былъ уже въ безопасности, смѣялся надъ собой и надъ рыбакомъ, мнѣ почему-то было его жалъ и хотѣлось,

чтобы и онъ тоже былъ на берегу. А затѣмъ я и Оля положили головы къ родителямъ на колѣни и крѣпко отъ усталости заснули. Такъ мы и не слышали, какъ насъ переносили съ экипажа въ постельки на рукахъ. А когда мы проснулись, то буря свирѣпѣла. Волны подкатывались почти къ самому нашему дому, но мнѣ было весело, Оля щебетала, какъ птичка, и на душѣ у насъ было тепло и

хорошо. А папа и мама иногда подолгу смотрѣли на меня, прижимали меня къ себѣ и горячо цѣловали.

— Ну, слава Богу! говорили они.—Могло окончиться и хуже! Все хорошо, что хорошо кончается. Теперь вамъ обоимъ будетъ весело и беззаботно. Играйте вмѣстѣ и не разлучайтесь никогда!

И я и Оля стали жить, какъ братъ и сестра.

Гіальмаръ.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ.

Осень мокрая подкралась,
Вдругъ пахнуло октябремъ...
Видишь, роща разубралась
Вся парчей и янтаремъ?..

Посмотри, въ лучахъ заката
Золотится пышный клень;
Разукрасились богато
И кусты со всѣхъ сторонъ...

И горять при яркомъ солнцѣ
За рѣкой лѣса и лугъ,
Словно пригоршни червонцевъ
Поразбросаны вокругъ!..

Мы полны очарованья,
Все кругомъ плѣняетъ насъ,
И природы увяданье
Такъ прекрасно въ этотъ часъ!..

А. Н.

О Д Н И.

ПОВѢСТЬ.

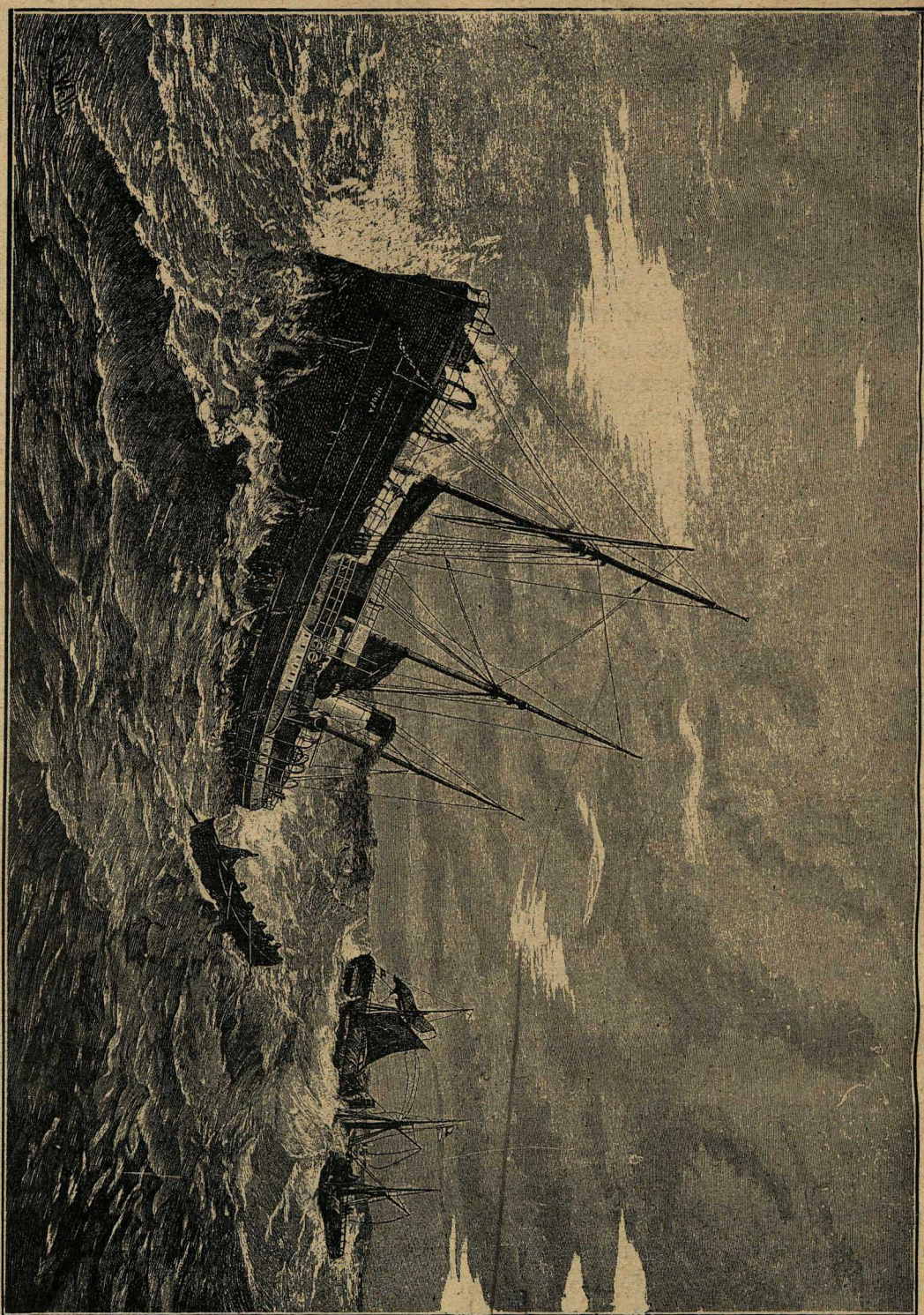
(Окончаніе).

Сверхъ ожиданія, Сергѣй Гавриловичъ не попалъ въ Геную черезъ двѣ недѣли. Онъ задержался въ Виго, въ Испаніи, гдѣ его корабль чинился послѣ выдержанной имъ бури, затѣмъ долженъ былъ отправиться совсѣмъ въ другой конецъ—въ Триестъ, и только послѣ этого уже могъ остановиться надолго въ Генуѣ. Введя свой корабль въ докъ и распорядившись очисткой котловъ, онъ сѣлъ въ поѣздъ желѣзной дороги и отправился отыскивать своихъ дѣтей.

Была уже зима. Въ Генуѣ было тепло и свѣтило солнышко, но по мѣрѣ того, какъ онъ все болѣе углублялся въ материкъ, становилось все холоднѣе и холоднѣе. Сперва сталъ покрапывать дождь, затѣмъ задулъ рѣзкій, осенній вѣтеръ, а когда онъ поднялся уже до половины Альпійскаго хребта, то было холодно пошелъ снѣгъ и стало уже совсѣмъ похоже на зиму. Онъ спѣшилъ. Онъ такъ соскучился по Вѣрочкѣ и по Коля, такъ хотѣлъ ихъ видѣть, что не обращалъ вниманія на усталость и не хотѣлъ отдохнуть. Оставивъ поѣздъ желѣзной дороги у Маджоры, онъ нанялъ лошадь и поѣхалъ дальше по шоссе. Шелъ снѣгъ, морозъ щи-

палъ за уши и за носъ и колеса глубоко врѣзались въ колеи. Возница ворчалъ. Если-бы онъ зналъ, что въ горахъ такъ не хорошо, то онъ ни за что не согласился-бы везти сеньора такъ далеко. И вотъ Сергѣй Гавриловичъ добрался наконецъ до Бертоло, откуда предстоялъ ему путь уже пѣшкомъ. Онъ только пересѣчетъ этотъходящій за облака хребетъ, спустится немного внизъ, а тамъ будетъ уже и Швейцарія и первая деревня по пути въ Женеву и будетъ Брусси, гдѣ находятся теперь его Вѣрочка и Коля. Они не ожидаютъ его. Онъ явится къ нимъ неожиданный, какъ снѣгъ на голову. Они удивятся, а затѣмъ начнутся ахи и охи, разспросы и рассказы, въ теченіе которыхъ будетъ забыто все, что было пережито дурного, и начнутся новые, счастливые дни.

И онъ сидѣлъ въ трактирчикѣ въ Бертоло, смотрѣлъ въ окно и старался представить себѣ картину своего появленія въ Брусси и радость дѣтей. Его кучеръ, привезшій его сюда, уже уѣхалъ обратно къ себѣ въ Маджору домой, и онъ остался одинъ. Передъ нимъ развертывалась бѣлая пелена снѣга, кругомъ громоздились

Въ бурную погоду.

Новое знакомство.

горы, тоже всѣ бѣлыя, и сквозь плохо замазанную раму грустно завывалъ вѣтеръ.

— Быть можетъ, сеньоръ желаетъ поспать? обратился къ нему трактирщикъ.—Тогда въ сосѣдней комнатѣ есть постель...

— О, нѣтъ! быстро отвѣтилъ Сергѣй Гавриловичъ.—Я сейчасъ отправлюсь дальше! Мнѣ нужно поскорѣе!

— А развѣ сеньоръ не знаетъ, что въ горахъ уже четвертая сутки бушуетъ метель?

— Это ничего! У насъ въ Россіи метель продолжается иногда по цѣлымъ недѣлямъ!

— Но знаетъ-ли сеньоръ, что такое метель въ горахъ?

— Пустяки! весело воскликнулъ Сергѣй Гавриловичъ и, взявши свой узелокъ и палку, направился къ выходу.

— Подождите, сеньоръ, встретился трактирщикъ, — неужели вы пойдете одни? Есть-ли у васъ проводникъ?

— У меня проводника нѣтъ, отвѣтилъ Сергѣй Гавриловичъ, — но вѣдь отъ Бертоло и вплоть до самой Брусси ведетъ шоссе! Все время я буду идти по шоссе!

— Но вѣдь въ горахъ уже четвертая сутки метель!

Сергѣй Гавриловичъ подумалъ. Ему пришли на умъ тѣ рассказы о заблудившихся въ горахъ путникахъ, которые онъ слышалъ еще въ дѣтствѣ, и какой-то внут-

ренній голосъ подсказывалъ ему, что слѣдовало-бы остаться и переждать метель, но привычка къ бурямъ и непогодѣ на морѣ и непреодолимое желаніе повидать скорѣе дѣтей взяли надъ нимъ верхъ и онъ приподнялъ шляпу, взвалилъ къ себѣ на плечи узелокъ и вышелъ на улицу.

— Прощайте, хозяинъ! сказалъ онъ.

— Счастливаго пути, сеньоръ! отвѣтилъ ему трактирщикъ.

И, постоявъ еще немного на крыльцѣ, онъ побѣждалъ ему вслѣдъ и остановилъ его за рукавъ.

— Сеньоръ, обратился онъ къ нему.—Быть можетъ, вы думаете, что я оставляю васъ у себя только для того, чтобы вы уплатили мнѣ за лишнее время, пока переждете у меня метель? Нѣтъ, сеньоръ, вовсе нѣтъ! Если хотите, то вы можете жить у меня бесплатно. Я честный итальянецъ, и даю вамъ честный совѣтъ. Но если у васъ ужъ такая охота отправляться въ горы одному, то запомните мои слова. Вы пройдете сперва мимо одной часовни, потомъ мимо другой. Затѣмъ будетъ сарайчикъ, нарочно устроенный для того, чтобы въ немъ путники могли укрыться и переждать непогоду. Затѣмъ будетъ на краю стремнины крестъ, который поставилъ какой-то монахъ, спасшійся чудомъ. Будьте тамъ осторожны. Но я совѣтывалъ-бы вамъ,

сеньоръ, переждать метель или въ одной изъ часовень, или-же въ томъ сарайчикѣ, о которомъ я вамъ сейчасъ сказалъ. А теперь—прощайте, сеньоръ! Счастливаго вамъ пути!

— Прощайте, почтеннѣйшій, спасибо вамъ!

И Сергѣй Гавриловичъ отправился въ дальнѣй путь.

Кругомъ него было все бѣло, какъ занавѣсъ, спускавшій на землю съ самыхъ облаковъ. Сухой снѣгъ билъ ему прямо въ глаза и злобный вѣтеръ старался сорвать съ него шляпу и плащъ. Громады горъ поднимались вокругъ него со всѣхъ сторонъ, громоздились одна на другую. Бертоло осталось далеко позади него внизу и теперь онъ былъ на всей вершинѣ одинъ и съ трудомъ продолжалъ свой путь. Его сапоги угружали глубоко въ снѣгъ, глаза ничего не различали впереди и только попадавшіеся иногда столбики сбоку шоссе указывали ему, что онъ дѣйствительно еще идетъ по дорогѣ. Не вернуться-ли назадъ? Хорошо-ли онъ сдѣлалъ, что пошелъ одинъ? Но его что-то толкало все впередъ и впередъ, онъ все дальше и дальше уходилъ отъ послѣдняго жилья, ему предстояло еще много верстъ впереди, но онъ шелъ бодро и смѣло и безбоязненно глядѣлъ событіямъ въ глаза. Скоро онъ увидитъ своихъ дѣтей.

Но вотъ маленькой чуть замѣтной точкой что-то темнѣетъ вдаль. Что-это? Человѣкъ? Такой-же затерявшійся въ горахъ путникъ, какъ и онъ? Или это, быть можетъ, экипажъ?

Сергѣй Гаврилычъ все ближе и ближе подвигается къ этому предмету и вдругъ видитъ, что это часовня. Маленькая, сѣренькая, сложенная изъ неотесаннаго камня, она стоитъ сиротой у скалы и кажется, что ей холодно, что она тоже озябла и съежилась и проситъ, чтобы кто-нибудь снялъ съ себя плащъ и накинулъ его ей на крышу и на озябшія каменные плечи.

Онъ входитъ въ нее. Одинокое распятіе съ пригвожденнымъ къ кресту Христомъ виситъ на ея стѣнѣ и около него—кропильница со святой водой. Вода уже замерзла. Сергѣй Гаврилычъ входитъ въ часовню, крестится на распятіе и переводитъ духъ. Дуетъ вѣтеръ и потрясаетъ кровлей часовни. Что-то злобное, страшное, но глубоко-несчастное слышится въ его завываньѣ. Громадныя горы стоятъ безмолвно вокругъ часовни. Такъ-же безмолвно падаетъ снѣгъ и, молча, страждетъ на распятіи Христосъ. Это глубокое молчаніе наполняетъ душу Сергѣя Гаврилыча торжественностью, ему страшно и въ то-же время какая-то сила влечетъ его къ этимъ горамъ, пропастямъ и къ этой метели...

Онъ переводить духъ, отпиваетъ изъ походной фляжки нѣсколько глотковъ вина и отправляется далѣе.

Горы все выше и все грознѣе. Вѣтеръ уже не гудить, а реветъ и старается смести все на своемъ пути. Ноги угрузаютъ въ снѣгъ по самыя колѣни. Тамъ и сямъ, точно пушечные выстрѣлы, происходятъ обвалы снѣговъ. Внизу, гдѣ-то далеко-далеко, на глубинѣ пропасти, реветъ незамерзающій потокъ. Снѣговыя хлопья, точно безчисленное количество бѣлыхъ мухъ, роємъ кружатся по сторонамъ. Сергѣй Гаврилычъ, чувствуетъ, что онъ усталъ, что ему не дойти, но онъ напрягаетъ послѣднія силы и идетъ. Вотъ ужъ и вторая часовня. Онъ входитъ въ нее, садится на полъ и подкрѣпляетъ силы.

„Теперь уже недалеко, думаетъ онъ. — Черезъ нѣсколько часовъ будетъ уже темно. Если я останусь здѣсь и пропущу время, то мнѣ придется здѣсь ночевать и, быть можетъ, даже уснуть на вѣки. Я не взялъ съ собой ничего и мнѣ нечѣмъ укрыться... Я замерзну!“...

И онъ снова отправляется въ путь. Теперь ему остается только дойти до того креста, который поставилъ на скалѣ монахъ, и онъ будетъ уже въ Швейцаріи, близко отъ своихъ, отъ отдыха и отъ ласки. И онъ все идетъ и идетъ.

Вокругъ него скопляются облака, выстрѣлы отъ падающихъ лавинъ повторяются все чаще и чаще, слышно, какъ гудить уже не одинъ потокъ, а нѣсколько, и вѣтеръ воетъ, визжитъ, и Сергѣю Гаврилычу, кажется, что онъ недоволенъ, что въ его царство вошелъ человекъ, который осмѣлился въ такую погоду перейти пѣшкомъ черезъ хребетъ.

— Господи, спаси меня! шепчетъ Сергѣй Гавриловичъ. — Помоги мнѣ добраться до дѣтей!

Силы оставляютъ его. Ноги отказываются служить. Дыханіе захватываетъ ему грудь и все тѣло озябло и пальцы окоченѣли.

Неужели онъ не дойдетъ?

Но онъ дѣлаетъ надъ собой усилие и идетъ. Скоро онъ увидитъ крестъ. Но, кажется, онъ долженъ былъ встрѣтить здѣсь еще и сарайчикъ? Кажется, такъ ему говорилъ тратирщикъ въ Бертоло? Двѣ часовни, сарайчикъ и крестъ... Не ослышался-ли онъ? О, съ какимъ наслажденіемъ онъ вошелъ-бы сейчасъ въ этотъ сарайчикъ, растянулся-бы въ немъ на полу и спалъ-бы, спалъ-бы безъ конца!

И онъ оглядывается по сторонамъ. Какъ разъ передъ его глазамъ вырисовывается большой четырехконечный крестъ. Значить, онъ сарайчика не замѣтилъ. Его занесло снѣгомъ и онъ такъ и прошелъ мимо него.

Новый порывъ вѣтра; облако снѣга разсѣивается на секунду и передъ Сергѣемъ Гаврилычемъ, снова появляется крестъ. Его усталымъ глазамъ онъ кажется великаномъ, который, протягиваетъ къ нему свои руки и хочетъ его предостеречь.

Здѣсь самое опасное мѣсто. Слева—отвѣсная гора, уходящая за облака, а справа—глубокая, бездонная пропасть, въ которой клубится туманъ. „Будьте осторожны, сеньоръ“, вспоминается Сергѣю Гаврилычу предостереженіе трактирщика въ Бертоло.

Сумерки. По прежнему снѣгъ залѣпляетъ глаза, ноги грузнуть по колѣно и грозныя, мрачныя горы обступили кругомъ. Воевъ вѣтеръ. Шумить гдѣ-то внизу потокъ. Рѣдкій воздухъ вершинъ сжимаетъ грудь.

Сергѣй Гаврилычъ подходит къ кресту. Онъ стоитъ одиноко, у самой стремнины и напоминаетъ о томъ, что здѣсь когда-то произошло.

Бѣдный монахъ!

Сергѣй Гаврилычъ останавливается и оглядывается по сторонамъ. Теперь онъ на самой вершинѣ горъ. По сю сторону—Италія, а по эту—начинается Швейцарія. Еще нѣсколько усилий, еще только нѣсколько верствъ,—и онъ будетъ уже въ Бруси. Всего только какіе-нибудь километры отдѣляютъ его отъ его дѣтей

и если онъ возьметъ себя въ руки, если онъ не подчинится своей слабости и прикажетъ своему духу восторжествовать надъ ослабѣвшимъ, измученнымъ, иззябшимъ тѣломъ, то черезъ часъ или черезъ полтора онъ будетъ уже у своихъ...

Впередъ, впередъ!

Онъ стряхиваетъ съ себя пласты снѣга, поправляетъ на себѣ шляпу и плащъ и дѣлаетъ пять или шесть шаговъ.

Но что это такое? Онъ слышитъ пушечный выстрѣлъ, затѣмъ какой-то странный, невѣдомый шумъ и въ испугѣ бѣжитъ къ кресту. Онъ прижимается къ нему и съ ужасомъ ожидаетъ своей судьбы. Громадная лавина снѣга сорвалась съ вершины горы и теперь устремляется прямо на него. Ему некуда отъ нея спастись. Онъ еще тѣснѣе прижимается къ кресту, обхватываетъ его руками и кричитъ отъ страха, но лавина нагоняетъ его, отрываетъ его отъ креста и со стихійной неудержимостью влечетъ его за собой. Россія, море, дѣти, вся прошедшая жизнь въ одно мгновеніе проносятся у него передъ глазами и онъ, слабый и ничтожный передъ этимъ величіемъ природы, какъ пигмей передъ великаномъ, срывается въ пропасть и все падаетъ, падаетъ на ея глубину...

Проходитъ минута, другая—и все стихаетъ. По прежнему идетъ

снѣгъ, по прежнему дуетъ вѣтеръ и одинокій крестъ, какъ и раньше, стоитъ у стремнины и напоминаетъ о быломъ. Но Сергѣя Гаврилыча около него уже нѣтъ. Онъ сорвался въ бездну.

— Вставайте скорѣе! Зажигайте огни! Мистраль уже не разъ бѣгалъ къ тому мѣсту, гдѣ монахомъ поставленъ крестъ! Онъ чуетъ бѣду. Умная собака все время беспокоится, скулить и визжить. Вставайте скорѣе!

Не смотря на поздній часъ ночи, дядюшка-Жакъ, съ фонаремъ въ рукѣ, стучитъ въ окошко къ мадамъ-Шарлоттѣ.

— Нѣтъ-ли у васъ веревки по длиннѣе? говоритъ онъ ей, когда она въ бѣломъ чепцѣ появляется у двери.— Не можете-ли вы отпустить со мною маленькую мадмуазель-Вѣру? Одѣньте ее потеплѣе! Я возвращу вамъ ее обратно невредимой! Положитесь на меня!

Сквозь сумерки и волны снѣга, мадамъ-Шарлотта видитъ красноватое пятно отъ фонаря и темную фигуру дяди-Жака. Она ежится отъ холоднаго рѣзкаго вѣтра и запахиваетъ полы своего пальто, въ которомъ вышла отворить дверь.

— Зачѣмъ вамъ, сосѣдъ, веревка? спрашиваетъ она.— Для чего вамъ понадобилась Вѣра?

— На верху, у креста, человекъ свалился въ пропасть, отвѣчаетъ

дядюшка-Жакъ. Его надо спасти! Его почуялъ вашъ Мистраль и прибѣжалъ за мною!

Дядюшка-Жакъ хорошій проводникъ. Онъ знаетъ родныя горы, какъ свои пять пальцевъ, онъ не разъ уже спасалъ людей и мадамъ-Шарлотта вѣритъ ему и умѣетъ его цѣнить. Ни слова не говоря, она отправляется къ себѣ въ чуланъ, беретъ длинную, прочную веревку и выноситъ ее къ дядюшкѣ-Жаку. Затѣмъ она идетъ въ дѣтскую и будитъ Вѣрочку. На дворѣ воетъ вѣтеръ и ему вторитъ умный Мистраль.

Уже четвертая сутки бушуетъ въ горахъ мятель. Она пригибаетъ голыя деревья къ землѣ, потрясаетъ кровлями избышекъ и жалобно воетъ въ трубахъ очага. Холодно. Дѣти не могутъ согрѣться и зябнуть. Мадамъ-Шарлотта и мадмуазель-Амели завѣшиваютъ окна шалами и одѣлами, чтобы было теплѣе, и чтобы не такъ рѣзко дулъ вѣтеръ въ одинарныя рамы оконъ, въ которыхъ и безъ того много щелей. Въ очагѣ съ утра и до вечера горитъ огонь. Ложась спать, дѣти видятъ не разъ, какъ мадамъ-Шарлотта становится на колѣни и молится Богу о тѣхъ, кто въ горахъ. Имъ становится страшно. Здѣсь, подъ самыми облаками, въ скалистыхъ горахъ, гдѣ всѣ явленія природы кажутся величественнѣе и страшнѣе, они чувствуютъ себя

одинокими и брошенными на произволь судьбы.

— Мадмуазель, говоритъ Вѣрочка,—а что, если вѣтеръ сорветъ съ нашего дома крышу и унесетъ ее прочь? Что мы будемъ тогда дѣлать?

— О, нѣтъ, дитя мое, отвѣчаетъ ей мадмуазель-Амели,—на нашу крышу навалено слишкомъ много камней. Вѣтру не поднять ихъ, такъ они тяжелы.

— А что, если насъ засыплетъ снѣгомъ совсѣмъ?

— Тогда намъ будетъ теплѣе и ненужно будетъ жечь такъ много дровъ.

И успокоенная дѣвочка ложится спать. Коля съ большими, испуганными глазами слѣдуетъ ей примѣру. Въ постелькахъ влажно и холодно и еще долго они не могутъ согрѣться.

— Ты, Коля, боишься? Тебѣ страшно?

— Нѣтъ, Вѣрочка, я не боюсь... Мнѣ только неприятно, что такъ сильно воетъ вѣтеръ и что такъ жалобно скулить Мистраль. Чего онъ скулить?

Въ углу, въ дѣтской лежитъ Мистраль и, положивъ морду между переднихъ лапъ, тоскуетъ и жалобными глазами смотритъ въ пространство. Иногда онъ вздрагиваетъ, быстро поднимаетъ морду и долго нюхаетъ воздухъ. Затѣмъ онъ успокаивается, ложится вновь и, кажется, что онъ дремлетъ.

Въ эту четвертую ночь онъ какъ-то особенно безпокоенъ. Онъ то ложится, то вскакиваетъ, то бросается къ двери, а то вновь возвращается къ себѣ въ уголъ и начинаетъ плакать. По его щекамъ текутъ слезы и его громадная, добродушная морда полна выраженія печали. Онъ скулить, онъ воетъ и лаетъ и не даетъ дѣтямъ спать.

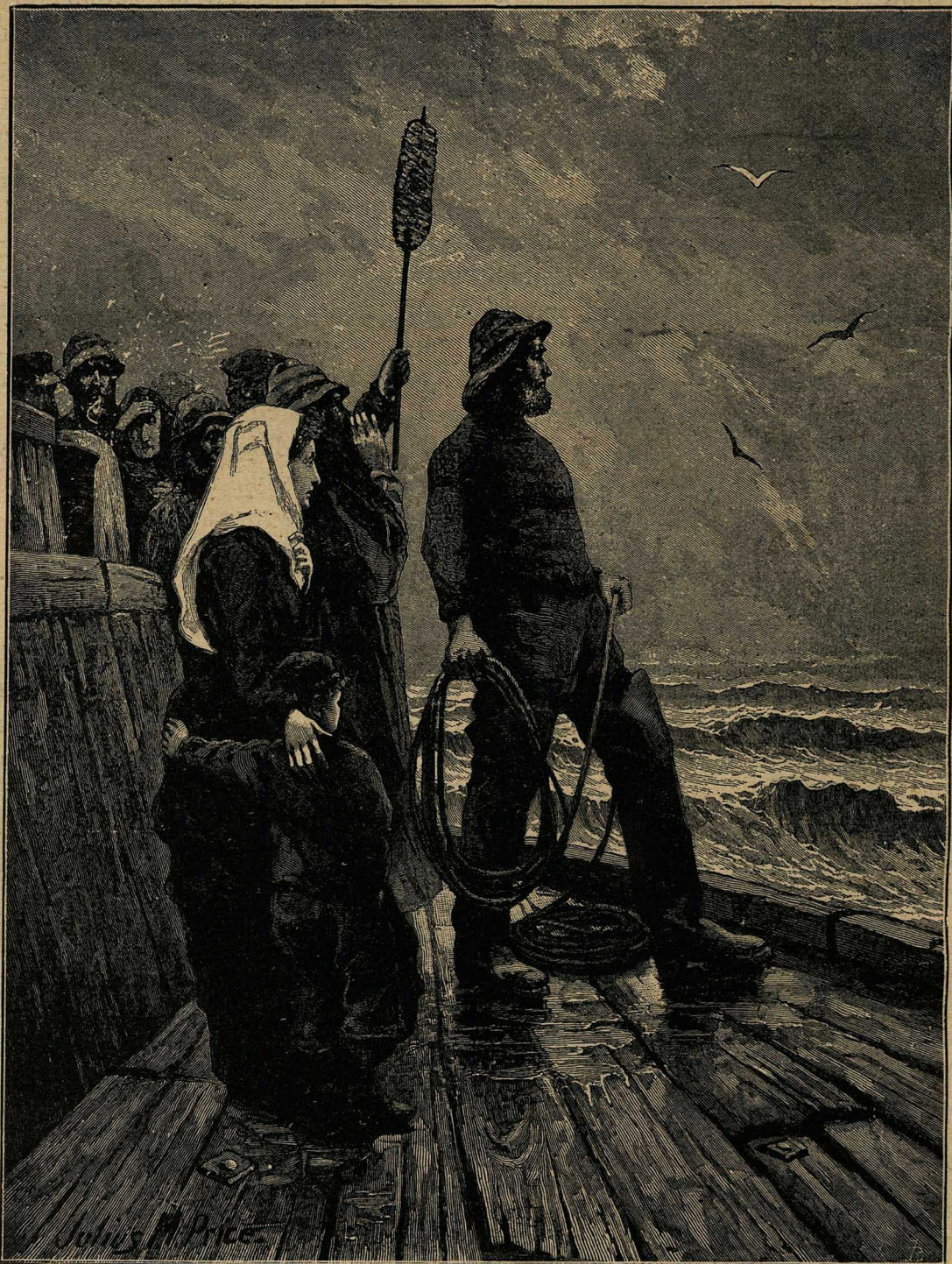
— Уймись, Мистраль! говоритъ ему мадмуазель-Амели.

А мадамъ-Шарлотта стоитъ у окна, смотритъ въ темное пространство, качаетъ головой и шепчетъ про себя:

— Мистраль что-то чуетъ!.. Кто-нибудь погибаетъ въ горахъ!..

Но вотъ слышится отдаленный гулъ падающей лавины. Это уже седьмой по счету. Первый былъ въ шесть часовъ вечера и тогда Мистраль сталъ безпокоиться и выть. Гулы слышатся оттуда, гдѣ спасшимся монахомъ поставленъ надъ пропастью крестъ..

Уже ночь. Всѣ въ домѣ спятъ. Дѣти заснули уже давно, а мадамъ-Шарлотта погасила въ очагѣ огонь, сѣла въ кресло и дремлетъ. Вдругъ она чувствуетъ, что кто-то дергаетъ ее за юбку. Она открываетъ глаза и видитъ около себя собаку. Мистраль тянетъ ее къ двери, царапается въ нее, визжитъ и даетъ ей понять, что хочетъ выйти на волю. Она выпускаетъ его и съ громкимъ радост-

Въ морѣ кто-то тонетъ.

Похищеніє тигрѣнка.

нымъ лаемъ онъ выбѣгаетъ на шоссе и со всѣхъ ногъ пускается къ тому мѣсту, гдѣ когда-то монахъ поставилъ крестъ.

— Быть бѣдѣ! шепчетъ мадамъ-Шарлотта.— Навѣрное, въ горахъ погибъ человѣкъ!

И она возвращается къ себѣ въ комнату, садится въ кресло и скоро засыпаетъ.

Тукъ-тукъ-тукъ!

— Кто тамъ? вскакиваетъ мадамъ-Шарлотта.

— Это я! слышится голосъ.— Откройте!

— Кто я?

— Вашъ сосѣдъ, дядюшка-Жакъ! Сейчасъ прибѣгалъ ко мнѣ вашъ Мистраль и водилъ меня къ тому мѣсту, гдѣ надъ пропастью стоитъ крестъ. Тамъ внизу, на уступѣ скалы я замѣтилъ человѣка. Его надо спасти. Онъ еще живъ, потому что Мистраль лизалъ его въ лицо. Мертвыхъ собаки не лизутъ. Какимъ-то чудомъ онъ не свалился въ пропасть, а упалъ на уступъ.

— Такъ отчего-же вы его не спасли? Отчего вы не принесли сюда?

— Онъ лежитъ слишкомъ глубоко. Только одинъ Мистраль могъ пробраться туда и откопать лапами путника изъ подъ снѣга. Туда нужно спуститься, но я не знаю, какъ мнѣ это сдѣлать. У меня нѣтъ длинной веревки и я слишкомъ тяжелъ. Дайте мнѣ мадмуазель-Вѣру и она мнѣ поможетъ.

— Она дитя. Какъ-же она сможетъ вамъ помочь?

— Я привяжу къ ней веревку и спущу ее въ пропасть къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ погибшій путникъ. Она привяжетъ его къ себѣ и я вытащу ихъ обоихъ вмѣстѣ. Я старъ, но я еще силенъ.

— А если Вѣрочка тоже погибнетъ?

— Я возвращу ее вамъ обратно невредимой. Положитесь на меня!

Дядюшка-Жакъ хорошій проводникъ. Онъ знаетъ родныя горы, какъ свои пять пальцевъ, онъ не разъ уже спасалъ людей и мадамъ-Шарлотта вѣритъ ему и умѣетъ его цѣнить. Ни слова не говоря, она отправляется въ дѣтскую и будитъ Вѣрочку. На дворѣ воетъ вѣтеръ и ему вторитъ издалека Мистраль.

— Вѣрочка, проснись!

Дѣвочка вздрагиваетъ и просыпается. Она вскакиваетъ на колѣнки и удивленными глазами оглядывается кругомъ.

— Что такое? спрашиваетъ она.

— Не бойся, дитя мое, обращается къ ней мадамъ-Шарлотта.— Одѣнься скорѣе и выходи въ ту комнату ко мнѣ. Ты нужна.

— Зачѣмъ?

— Увидишь!

Вмѣстѣ съ Вѣрочкой вскакиваетъ и Коля. Онъ тоже быстро набрасываетъ на себя одежду, надѣваетъ сапоги и тоже выходитъ въ сосѣдную комнату.

— Я не оставлю своей сестры,

говорить онъ.—Куда-бы ни пошла она, туда пойду и я...

Мадамъ-Шарлотта и проснувшаяся, заплаканная мадмуазель-Амели, одѣваютъ ихъ потеплѣе и выводятъ на улицу. Злобный вѣтеръ подхватываетъ дѣтей, они еле могутъ удержаться на ногахъ, но быстро осваиваются и имъ становится забавно. Они видятъ передъ собою круглое красное пятно отъ фонаря и какую-то темную фигуру.

— Кто это? спрашиваютъ они и ознобъ пробѣгаетъ по всему ихъ тѣлу.

Они только что встали съ теплыхъ постелей и сразу вышли на холодъ.

— Это дядюшка-Жакъ, отвѣчаетъ имъ мадамъ-Шарлотта.—Вы для чего-то ему нужны.

Дядюшка-Жакъ, вѣшаетъ фонарь себѣ къ поясу, перебрасываетъ веревку черезъ плечо, беретъ дѣтей за руки и отправляется съ ними въ путь. Мадамъ-Шарлотта и мадмуазель-Амели еще долго смотрятъ вслѣдъ и шепчутъ:

— Помоги имъ, Господь!

Темная, безпросвѣтная ночь. Облака снѣга несутся вдоль засыпаннаго шоссе, ноги грузнуть въ снѣгу по самыя колѣни, глубоко внизу реветъ потокъ и далеко въ горахъ слышатся глухія звуки обваловъ. Вмѣстѣ съ порывами вѣтра доносится откуда-то и лай собаки.

— Это Мистраль! говоритъ Коля.

— Да, это Мистраль! отвѣчаетъ ему дядюшка-Жакъ.

Но вотъ уже и крестъ, когда-то поставленный монахомъ. Дядюшка-Жакъ утаптываетъ вокругъ него снѣгъ, ставитъ фонарь на землю и начинаетъ разматывать веревку. Размотавши ее, онъ дѣлаетъ на ней петлю и говоритъ.

— Мадмуазель-Вѣра, подойдите ко мнѣ.

Она послушно къ нему подходитъ.

Онъ привязываетъ ей къ поясу веревку и цѣлуетъ ее въ мокрый отъ снѣга лобъ.

— Сейчасъ я спущу васъ въ эту пропасть, говоритъ онъ ей,— но вы не бойтесь. Тамъ на уступѣ, глубоко внизу, лежитъ человѣкъ. Его надо спасти. Вы слышите, какъ около него лаетъ внизу вашъ Мистраль?

Она внимательно вслушивается въ его слова.

— И что-же я должна сдѣлать? спрашиваетъ она.

— Вы привяжете этого человѣка къ себѣ и я вытащу изъ пропасти васъ обоихъ!

Но въ это время Коля дѣлаетъ шагъ впередъ.

— Вмѣсто нея, говоритъ онъ,— это могу сдѣлать я! Она дѣвочка, а я мальчижъ! Мнѣ это сдѣлать легче, чѣмъ ей!

Но дядюшка-Жакъ ласково отстраняетъ его и говоритъ:

— Я знаю, что ты храбръ и готовъ умереть за сестру, но она

опытнѣе тебя и съумѣетъ лучше тебя привязать погибшаго къ себѣ. Ты мнѣ нужнѣ здѣсь.

Онъ подводитъ дѣвочку къ самому краю стремнины и легонько сталкиваетъ ее въ пропасть. Непроглядная темнота раскрываетъ свою безжалостную пасть и она исчезаетъ въ ней и летитъ куда-то далеко и глубоко. Только одна веревка связываетъ ее еще съ жизнью и съ внѣшнимъ миромъ и если она порвется, то Вѣрочка уже никогда не вернется назадъ. Но веревка прочна и дядюшка-Жакъ крѣпко держитъ въ рукахъ другой ея конецъ. Коля взялъ съ земли фонарь и высоко поднялъ его надъ головою. Дуетъ вѣтеръ, реветъ внизу потокъ и слышенъ тревожный лай Мистрала гдѣ-то внизу.

Но вотъ уже веревка не тянется далѣе. Очевидно, Вѣрочка уже достигла цѣли. Вѣроятно, она уже на уступѣ, у тѣла незнакомца и теперь собирается привязать его къ себѣ. Лай Мистрала становится радостнѣе и громче.

Голосъ дядюшки-ЖАКА (СВЕРХУ). Ну, что, мадмуазель-Вѣра, отчего вы перестали спускаться?

Голосъ Вѣрочки (ИЗЪ ГЛУБИНЫ). Я уже достигла до него. Мистраль помогаетъ мнѣ откапывать его тѣло изъ-подъ снѣга!

Голосъ дядюшки-ЖАКА (СВЕРХУ). Живъ-ли онъ еще?

Голосъ Вѣрочки (ИЗЪ ГЛУБИНЫ). Мнѣ ничего не видно, кругомъ

темно и я слышу, какъ внизу реветъ потокъ. Но я чувствую, что щеки его еще теплы и мокры. Значить, на нихъ еще таетъ снѣгъ.

И, крѣпко привязавъ тѣло путника къ себѣ, она дергаетъ за веревку и кричитъ:—Готово!

Скорѣе, дядюшка-Жакъ! Бодрѣе, мужественный швейцарецъ, уже не разъ спасавшій изъ подъ снѣга людей! Ухватись покрѣпче за веревку, напруги свои старческіе мускулы и тащи свою находку поскорѣе на верхъ!

Мускулы дядюшки-Жака вытягиваются, какъ струны, онъ опирается ногою о самый край стремнины и начинаетъ тянуть. И съ каждымъ взмахомъ его руки, разстояніе становится все короче и короче и вотъ появляются изъ темноты двѣ головы. Одна изъ нихъ—безъ шапки, съ курчавыми темными волосами—это голова путника, другая—въ бѣленькомъ платочкѣ,—это голова Вѣрочки.

— Бодрѣе, Николай! кричитъ мальчику старикъ.—Подними фонарь повыше, и сдѣлай такъ, чтобы было свѣтлѣй!

Въ это время двѣ темныя фигуры выдѣляются изъ мрака и подходятъ къ краю стремнины. Это мадамъ Шарлотта и ея дочь. Онѣ хватаются за веревку и помогаютъ дядюшкѣ-Жаку тянуть. А потомъ, когда дѣвочка и путникъ лежатъ уже на шоссе, изъ пропасти выскакиваетъ вдругъ

Мистраль и начинаетъ лизать ихъ обоихъ въ лицо. Дѣвочкатираетъ себѣ щеки и поднимается на ноги.

— Свѣти сюда, Николай!

Коля подноситъ къ лицу путника фонарь, но онъ выскакиваетъ у него изъ рукъ и падаетъ на землю. Мадамъ-Шарлотта подхватываетъ его и освѣщаетъ путнику лицо опять.

Вѣрочка и Коля взвизгиваютъ, бросаются къ тѣлу и заливаются горькими слезами.

— Это нашъ отецъ! говорятъ они и липаются чувствъ.

Полная изумленія, мадамъ-Шарлотта беретъ на руки Колю, мадамъ-Амели — Вѣрочку, а дядюшка-Жакъ взваливаетъ къ себѣ на плечи Сергѣя Гавриловича и всѣ трое со своими странными ношами, они отправляются домой.

Впереди бѣжитъ радостный Мистраль, виляетъ хвостомъ и громко лаеетъ...

Но что-же было потомъ?

Отъ радости не умираютъ.

Недѣлю спустя, почтовый дилижансъ уже отходилъ изъ Брусси по направленію къ Женевѣ. Метель давно уже прекратилась, на ярко-голубомъ небѣ весело свѣтило солнце и окрестныя горы сверкали, какъ брилліанты. Въ дилижансѣ сидѣли мадамъ-Шарлотта, ея дочь Амели, самъ Сергѣй Гаврилычъ и Вѣрочка и Коля. Всѣ

они ѣхали въ Россію навсегда. Случай у креста сроднилъ ихъ и теперь они уже не разстанутся больше никогда. Корабль Сергѣя Гаврилыча останется въ Генуѣ до весны, а до тѣхъ поръ онъ еще успеетъ устроить свою жизнь иначе и уже не будетъ оставлять своихъ дѣтей однихъ.

Прощай, Швейцарія! Прощай, Брусси!

У дверей стоитъ дядюшка-Жакъ и машетъ имъ большимъ, краснымъ платкомъ. Около него недвижимо стоитъ Мистраль и тревожными глазами провожаетъ своихъ любимцевъ.

— Поѣдте съ нами! кричатъ ему изъ окна дилижанса Вѣрочка и Коля.

Онъ киваетъ имъ головой и все лицо его озаряется доброй, старческой улыбкой.

— Нѣтъ, мерси!.. отвѣчаетъ онъ. — Да сохранить васъ Богъ! Счастливаго вамъ пути!

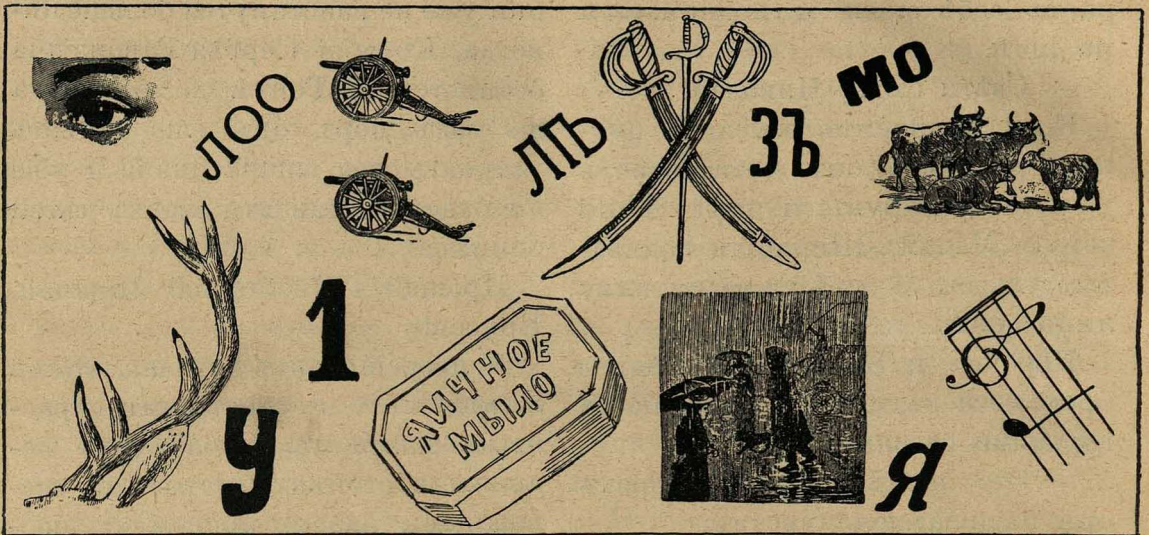
И когда дилижансъ скрывается изъ-виду, то онъ беретъ Мистралья за ошейникъ и возвращается съ нимъ въ избушку.

— Пойдемъ, старикъ! говорить онъ ему. — Теперь ты мой и намъ не будетъ скучно вдвоемъ!

И на глазахъ у него появляются слезы. Никто ихъ не видитъ и никому и въ голову не приходитъ, что эти два старика, какъ когда-то Вѣрочка и Коля, тоже остались теперь одни.

М. Б—скій.

Ребусъ № 23.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 21, помѣщенныхъ въ № 22 «Золотого Дѣтства». I., часть, сто, соколь, столяр, точка, колоколь, ласточка, тачка, лакъ, скоть. Задуманное слово = частоколь. II., Ухо, просо, серпъ, пресь, перо, порохъ, пухъ, воръ, споръ и ссора. Задуманное слово = Серпуховъ. III., Отъ дома, по грязи. IV., Свища, роза, тараканъ = Сирота.

Ребусъ № 21. Ст+ре+козы+ве+село+кр+ужи+лись надъ+л+ужи—ца+ми = Стрекозы весело кружились надъ лужицами.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Катя Попова изъ Варшавы, Вася, Галя и Жоржикъ Ротмистровы изъ Житомира, Володя Грамматикати изъ Харькова, Вова Зенинъ изъ Пензы, Коля и Сережа Павловы, И. С. Орловскій.

— Это уже послѣдній номеръ „Золотого Дѣтства“ за текущей годъ.

Не забудьте, что съ 1-го ноября начинается новый подписной годъ.

≡ ПОДПИСКА УЖЕ ОТКРЫТА. ≡

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, Редакція журнала «Золотое Дѣтство».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>		<i>Стран.</i>
Акробать	239	Лиса Натрикѣвна	2
Апрѣль (стих.)	322	Лѣсная прохлада (стих.)	610
Была пора (стих.)	15	Лѣтомъ (стих.)	502, 623
Бѣлый голубокъ	626	Лѣтній вечеръ (стих.)	557
Васька и Васютка	277	Маленькій король	610
Весна (стих.)	412, 226	Маруся	266, 301, 338, 363, 398, 414
Весеннее утро (стих.)	335	Мечты (стих.)	194
Весенняя ночь (стих.)	374	На маякѣ	146
Воспоминанія слона	674	Навстрѣчу (повѣсть)	130, 162, 203, 226
Въ сумерки (стих.)	66	На лодкѣ (стих.)	514
Въ морозную ночь (стих.)	78	На скалистомъ берегу	514
Въ лѣсу зимой (стих.)	111	Начало осени (стих.)	674
Въ сочельникъ	114	На рельсахъ	290
Въ яичной скорлупкѣ	314	Начало зимы (стих.)	50
Въ маѣ (стих.)	429	Новый годъ (стих.)	130
Въ саду весной (стих.)	450	Ночь (стих.)	239, 413
Въ заброшенной усадьбѣ	490	Нитка жемчуга (повѣсть) . 450, 491, 522, 558, 586	
Въ жару (стих.)	586	Озеро въ лѣсу	10
Въ полѣ (стих.)	662	Одни (исторія брата и сестры)	34
Въ дождь (стих.)	687	Одни (повѣсть)	651, 687, 715, 751
Вѣрный Джэкъ	386	Ожиданіе (стих.)	175
Глубокая осень (стих.)	2 и 730	Октябрь (стих.)	706
Говорящая кукла	153	Пасхальная заутреня (стих.)	290
Грибная пора (стих.)	599	Первая гроза (стих.)	534
Двѣ слезы	470	Первый снѣгъ (стих.)	34
Двѣ сестры	790	Подъ землей (повѣсть)	18, 51, 66, 98
«Дикаръ»	642	Подъ живой изгородью	257
Домикъ въ лѣсу	482	Полдень	397
Дѣтскій балъ (стих.)	253	Послѣ грозы (стих.)	546
Дядя-Коля	322	Послѣ дождя (стих.)	362
Двѣ встрѣчи	738	Раннее утро (стих.)	301, 650
Елка (стих.)	98	Ранней весной (стих.)	350
Желѣзный сундучокъ	546	Сирень	570
Заблудился	402	Скоро весна (стих.)	277
Записки аиста	578	Слѣпая	175
За таинственной дверью	599	Старый волкъ	706
Зимой (стих.)	143	Снѣга сошли (стих.)	263
Зоологическій магазинъ	90 и 118	Утро (стих.)	470
Золотая осень	750	Утромъ (стих.)	63
Исторія о собакахъ	374, 386, 402	Уже Октябрь	738
Какъ въ сказкѣ	663	Фляшка и Машка	353
Какъ сдѣлать воздушный шаръ и змѣй	502	Февраль (стих.)	203
Кое что о насекомыхъ	534, 730	Чудесный поясъ	187
Коробка конфетъ	194	Чижикъ	215

Годъ 6-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1913 годъ

на художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

—❖❖ Подписной годъ съ 1-го Ноября. ❖❖—

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, разказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарady и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

12 ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга сказокъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ подъ заглавіемъ:

≡ „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ ≡

Въ нее войдетъ большая веселая повѣсть-сказка:

„Алиса въ волшебной странѣ“.

≡ Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смѣлки».

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Годъ изданія шестой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1913 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

△ Подписной годъ съ 1-го Ноября. △

Выходить ДВА РАЗА въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

= При каждомъ номерѣ приложенія =

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровский, 26, и въ известнѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Годъ изданія пятый.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1912 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

◀ Подписной годъ съ 1-го Ноября. ▶

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

= При каждомъ номерѣ приложенія =

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровский, 26, и въ известнѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

